

ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ

Научная статья
УДК 130.2:165.12
DOI: 10.46724/NOOS.2026.2.45-53

В. С. Лебедев

ЭКСТРЕМАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ В СИСТЕМЕ КАТЕГОРИЙ «ОСЦИЛЛЯЦИЯ», «АНТИХРУПКОСТЬ», «ЛИМИНАЛЬНОСТЬ» (ОПЫТ ОПИСАНИЯ)

Аннотация. В статье рассмотрены три категории, описывающие состояние современной культуры и социума в целом. Первой категорией является осцилляция, которая «выступает» социально-онтологической для современного человека, как одно из структурообразующих свойств сознания. От обратного определяется экстремальное сознание, лишенное размеренной осцилляции на уровне психики и на уровне построения картины мира. Второй категорией выбрано понятие Нассима Николаса Талеба «антихрупкость», которое показывает способность системы развиваться в нестабильных и кризисных ситуациях, при условии, что экстремальная ситуация не тотальна в рамках восприятия. Экстремальное сознание, исходя из системно-синергетического анализа, представлено как «хрупкое». В рамках третьей категории высказана мысль о появлении экстремального сознания в рамках лиминальных пространств, тогда как лиминальность в культуре в общем детерминирована.

Ключевые слова: осцилляция, антихрупкость, лиминальность, экстремальное сознание, социальная онтология.

Ссылка для цитирования: Лебедев В. С. Экстремальное сознание в системе категорий «осцилляция», «антихрупкость», «лиминальность» (опыт описания) // Ноосферные исследования. 2026. Вып. 2. С. 45—53.

Original article

V. S. Lebedev

EXTREME CONSCIOUSNESS IN THE SYSTEM OF CATEGORIES “OSCILLATION”, “ANTIFRAGILITY”, “LIMINALITY” (DESCRIPTION EXPERIENCE)

Abstract. The article discusses three categories that describe the state of modern culture and society as a whole. The first category is oscillation, which is shown as a socio-ontological phenomenon for modern humans, representing it as one of the fundamental properties of consciousness. Conversely, extreme consciousness is defined as devoid of measured oscillation, both at the level of the psyche and at the level of worldview construction. The second category is based on Nassim Nicholas Taleb’s concept of “antifragility,” which refers to a system’s ability to adapt and evolve in unstable and crisis-ridden environments, provided that the extreme situation is not entirely perceived as such. In this context, extreme consciousness is presented as “fragile” based on a systemic-synergetic analysis. The third category explores the emergence of extreme consciousness within liminal spaces, where liminality in culture is generally deterministic.

© Лебедев В. С., 2026

Ноосферные исследования. 2026. Вып. 2. С. 45—53 •

Keywords: oscillation, antifragility, liminality, extreme consciousness, social ontology.

Citation Link: Lebedev V. S. (2026) Extreme consciousness in the system of categories “oscillation”, “antifragility”, “liminality” (description experience), *Noospheric Studies*, no. 2, pp. 45—53.

Всякое новое понятие, которое вводится в некоторую область знания, нуждается в определенном категориальном аппарате, который представляет собой систему родственных понятий, раскрывающих суть явления, о котором идет речь. В нашем случае экстремальное сознание нуждается в языке описания, поскольку представлено крайне слабо или примитивно, что объясняется отсутствием выработанной методологии и, конечно, адаптированного категориального аппарата. С одной стороны, такая актуальная проблема оборачивается очевидными минусами: неопределенность, а следовательно — невозможность использовать «экстремальное сознание» в научном и философском дискурсе. С другой стороны, мы имеем свободу интерпретации и использования разнообразных методов. В данном случае были выбраны системный и синергетический подходы. В случае первого — представление и общества и сознания как системы, а во втором — как самоорганизующейся системы, развивающейся через определенные явления мира неравновесных систем. Эти подходы позволяют нам представить определенные явления в обществе не только в рамках наиболее разработанной методологии, но и в целом по-другому оценивать катастрофические и кризисные процессы, вызванные развитием общества.

Концептуальными категориями новой эпистемологической системы являются «осцилляция», «антихрупкость» и «лиминальность».

Начать, пожалуй, стоит с одной из самых заметных категорий из метамодернистской парадигмы культурологии — осцилляции. Р. Н. Лейни рассматривает осцилляцию метамодерна в сравнении с карнавальной относительностью в масс-медийной культуре [Лейни, 2024]. Исследователь обращается к анализу работы «специалистов в разных областях гуманитарных знаний, изучающих кризисные периоды различных эпох» [там же: 17]. При этом пограничные моменты оцениваются в рамках кризиса постмодерна с одновременным обращением к метамодернистским категориям.

Осцилляция в таком контексте трактуется как «колебание между максимумами, что делает возможным одномоментное существование искренности романтизма и постмодернистского скепсиса, рациональности и иррациональности» [там же: 18]. Такая пограничная ситуация уже на уровне нарратива позволяет нам говорить о пограничном положении тех принципов познания, которые формируют картину мира человека. Социальная онтология осцилляции подчеркивает это явление в рамках развития общества. Мы можем видеть, что в разборе метамодернистской терминологии осцилляция характеризует новое направление как в литературе, так и в исследовании культуры, что отмечает и автор [там же: 19]. Осцилляция наиболее заметна в искусстве, что, в свою очередь, дает повод предположить наличие этого явления в сознании, точнее сказать, дает повод предположить, что осцилляция — это состояние сознания. Важно отметить, что колебания сознания (или же колеблющееся сознание) можно представить в рамках системы информационных потоков.

Известно, что цифровая революция сделала доступным огромный контент разнообразной информации, где мы сталкиваемся не только с взаимодействием культур, но и с новыми коммуникативными формами общения [Филановская, 2022: 117]. В первом случае перед нами постоянная неопределенность между разнообразными потоками информации; человек воспринимает культурную реальность одновременно с разных сторон. Ни одна из этих «сторон» не истинна и не ложна, но несет в себе определенную смысловую и ценностную нагрузку. Экстремальным здесь может быть противоречие в воспринимаемом. С другой стороны, сознание может достигнуть своего экстремального состояния в неопределенности каналов коммуникации. Здесь тоже важно несоответствие цифрового аватара и общению в сети с общением личным. Сами границы личного стираются, что вызывает определенный психологический, а иногда и экзистенциальный стресс. Перегруженность и гиперактивность, а также клиповое мышление и преимущественно визуальное восприятие информации стали характеристиками поколения Z [там же: 118], которое иначе можно назвать поколением метамодерна.

Неустойчивость, подобная маятнику, в системном ключе представляет из себя не движение между двумя выбранными крайностями, а скорее кружение, подобное маятнику Фуко — между многими крайностями. Внутри поля, между крайностями, проходит сознание человека. И, если не отходить от предложенной метафоры, маятник раскачивается внутри поля, то система относительно стабильна. По крайней мере, способность задерживаться между двух крайних точек есть показатель адаптивности системы, более плавного перехода между пограничными условиями. Для осцилляции здесь характерна размеренность, которая в культуре выражается в переосмыслении артефактов двух предыдущих эпох — модерна и постмодерна.

Устойчивое и «не-экстремальное» сознание предполагает, что «простого заимствования и использования какой-либо идеи или культурного артефакта предшествующей эпохи быть не может» [там же]. Напротив, в экстремальном сознании все артефакты, выражаемые в культуре, принадлежат пограничной области. Если внутри устойчивой осцилляции мы видим область, которую можно даже назвать «маревом, аурой, пятном»¹, то экстремальное сознание порождает артефакты, тяготеющие к краю этой области, что можно представить как круг, в центре которого пустота. Экстремальное сознание, организующее личность, никак не может определить, кем быть, но обязательно личность должна иметь определенные характеристики. Иначе говоря, личность, формируемая экстремальным сознанием, не существует в рамках осцилляции, а старается ее избежать, опираясь на максимы и не принимая синергетического синтеза.

С точки зрения системного подхода осцилляция предполагает «реструктуризацию некоторого числа уже данных элементов»². Следовательно, осцилляция в рамках сознания невозможна без сложности, появляющейся в перегруженной системе, все больше напоминающей среду. В рамках эволюции художественных систем мы также сталкиваемся с синергетической сложностью. Однако никакая

¹ Филановская обращает внимание на комментарий к Р. Барту, сделанный Н. Хрущёвой, где последняя также видит область существования артефактов метамодерна в рамках [Филановская, 2022: 119].

² Лейни также находит эту мысль Ф. Джеймсона справедливой [Лейни, 2024: 19].

сложность и включенность системы в информационное взаимодействие не лишает ее феноменальности. Эта важнейшая характеристика делает художественные системы в известном смысле зависимыми от наблюдателя, лишая не столько относительной, сколько онтологической самостоятельности. Сознание, данное в интроспекции или выраженное в культурном артефакте, при реструктуризации может оставаться тем же по содержанию, но смещение внимания на другие аспекты придает феномену содержания новизну. Вслед за смещением акцентов может поменяться и функция.

Справедливым можно считать не только изменение культурных форм, но и форм сознания, точнее, тех мировоззренческих структур, которые при кажущейся целостности и неизменности изменяют свою функцию по отношению уже к внешнему миру. Одни и те же смысловые конструкции картины мира начинают объяснять совершенно другие вещи. Здесь мы уже можем говорить об устойчивости культуры метамодерна, которая, обладая достаточной степенью свободы, может выполнять различные функции в сознании человека. Речь идет о карнавальной форме культуры, основывающейся на иронической амбивалентности как на всеобщей и универсальной точке зрения [Лейни, 2024: 19—20]. Ирония есть способность держать в сознании срединный вариант, как равновесный край.

В экстремальной ситуации смысловые конструкции, отражающие максимумы, кажутся местом устойчивости, точками стабильности. Однако именно эти точки требуют от человека максимальной отдачи и испытывают всю систему на прочность. Амбивалентность лишена напряжения, присущего четкому противопоставлению, а следовательно, система распределяет нагрузку, или отказываясь от выбора, или выбирая срединное, даже если оно абсурдно относительно предыдущих состояний. Даже если напряжения постоянны, они не затрагивают основы системы в целом и не отменяют системообразующее свойство, которое в состоянии свободных флуктуаций избегает своего исчезновения. Экстремальное сознание лишено такой гибкости. Оно крепко держится за максимумы, полагаясь на точный прогноз, который можно сделать на их основании, при этом не принимая во внимание того, что сложная система не может держать постоянную экстремальную нагрузку, фиксирующую одно положение элементов в структурах и структурах в системе.

Таким образом, явление осцилляции в культуре показывает стратегию устойчивости сознания, которая одновременно является критерием стабильного уравновешенного состояния сознания, а также показателем противоположного состояния. В силу того что культурная осцилляция дана нам в виде человеческого творчества, то она выступает как доступный язык выражения социального бытия экстремального сознания.

«Антихрупкость» — термин, созданный Нассимом Николасом Талебом в рамках своей теории «черных лебедей». Термин относится к тому же явлению в социальной среде, что и осцилляция, однако призван описывать систему в ее «нормальном» состоянии. Антихрупкость — уже заложенная характеристика в систему, которую сам Талеб определяет как «неуязвимость объекта, который не боится влияющей на него переменчивости» [Талеб, 2024: 457]. Терминология Талеба необходима как основание определения обратного. Иначе говоря, мы раскрываем экстремальное сознание через «антихрупкость» как «хрупкость» в понимании Талеба. При этом возникает закономерный вопрос о «бритве Оккама», поскольку

можно было бы сразу говорить о «хрупкости», не прибегая к посредственным определениям.

Однако здесь «антихрупкость» выступает как термин направляющий, как категория, акцентирующая внимание мыслителей на аспектах, до того разобранных неполноценно. Потому и «хрупкость» понимается Талебом конкретно, а именно как ошибка мотивации. Суть мысли такова, что человек склонен в своих решениях исходить из хрупкости окружающей системы, а не из истинности или ложности посылок [там же: 448]. Стремление видеть в системе строгую и неподвижную структуру является иллюзией в картине мира, которая является одной из системообразующих свойств экстремального сознания как сложной системы.

Антихрупкость в информационном отношении является способностью отделять шум от сигнала и реагировать только на последнее. В данном случае имеется в виду именно информационный шум, который мешает воспринимать сигналы внутри системы. Экстремальное сознание представляет из себя такую систему, которая путается в информационных потоках, реагируя на наиболее сильные, но необязательно содержательные. Однако негативным является и избыток сигналов, которые Талеб называет «токсичностью» [там же: 230]. Антихрупкость подразумевает в таком случае не только пассивную способность «фильтровать» информацию, но и активное ограничение информационного потока, дисциплину сознания. Эта активная позиция отделяет антихрупкое от хрупкого, что справедливо и для экстремального сознания.

Вводимый Талебом термин подразумевает и такое качество, благодаря которому «антихрупкое, пройдя сквозь испытания, становится лучше прежнего» [Силова, 2024: 161]. Справедливо отмечается в исследованиях, посвященных категории антихрупкости: «Антихрупкость нельзя сводить к понятиям гибкости или неуязвимости, случайность и неопределенность являются факторами повышения антихрупкости, определенный класс ошибок для нее необходим» [там же]. Класс ошибок подразумевает местные нарушения, которые не являются катастрофичными, не являются тотальными и в конечном итоге не уничтожают свойства гибкости и не мешают информации о состояниях системы (сознания, например) свободно распространяться от элемента к элементу внутри системы. Антихрупкость невозможна без перманентного, но дозированного напряжения, которое зачастую нивелируется социальной средой, что в рамках социальной онтологии экстремального сознания является важным фактором появления такого сознания. «Также антихрупкость хорошо описывается при помощи понятия асимметрии и определяется следующим общим правилом: потрясения приносят антихрупкой вещи больше пользы по мере увеличения их интенсивности (до определенного уровня)» [там же: 163].

Экстремальное сознание можно описать как «хрупкое» исходя из «антихрупкости» не только из внутренних посылок самого определения. Нередко можно встретить исследования, в которых авторы осмысливают антихрупкость из внешнего экстремального состояния. Иначе сказать, в сознании философов, работающих с концепцией Талеба, термин «антихрупкость» прочно связан с нестабильными и опасными ситуациями. Например, Д. Н. Москаленко рассматривает антихрупкость через призму пандемии Covid-19, сравнивая с процессом распространения вируса процесс распространения философской идеи [Москаленко, 2024: 326]. Философ, согласно такому сравнению, «предстает (как и вирус) “эпидемом”

в истинно греческом смысле этого слова, то есть тем, кто находится в “демосе”, циркулирует среди людей определенной общности и подвергает опасности их жизнь» [там же]. Философские идеи, исходя из сравнения, которые автор подкрепляет примерами Сократа, Сартра и Спинозы [там же], можно считать информацией о новом состоянии элементов системы — общества, чей генезис можно описать как социально-онтологический.

С одной стороны, перед нами гибкая система, чье общее состояние можно оценить как «антихрупкое», а с другой — есть наиболее костные ее части, которые усваивают поведение системы медленнее остальных частей. В рамках таких обществ диалектично появляются личности или группы, которые выступают против прежнего состояния структуры или оспаривают состояние всей системы, как хрупкое. Далее начинается борьба, где точкой бифуркации будет такое состояние структур системы, которое можно было бы назвать осциллирующим. Итог всего процесса непредсказуем, поскольку в сложной системе мы можем говорить только о синергии, о странном и непонятном взаимодействии, включающем явления эмерджентности. Но философская мысль является не только средством постановки острых вопросов, которые во многом «назрели» в обществе, но и источником ответов, ибо всякий вопрос предполагает ответ, даже если это целая область ответов. С точки зрения автора, «философия стремится придать смысл реальности и феноменам реальности» [там же: 327], что в контексте антихрупкости можно перефразировать «вписать в контекст».

Адекватное видение ситуации в контексте важно с эпистемологической точки зрения и акцентирует внимание на «реперных» вопросах. Первый для автора — вопрос хрупкости человека, которая на опыте пандемии предстает как типичное состояние человека [там же]. Хрупкость отдельных элементов не предполагает необходимость хрупкости всей системы. И хрупкость отдельного элемента в целом невозможно помыслить в рамках открытой системы, где последняя всегда вовлекает в собственный контекст. На уровне социума мы можем говорить об антихрупкости, которая задает смысловую структуру сознанию при должном общении самого сознания с окружающим его обществом. При этом «самость» является очевидным отличием от внешнего. Само наличие философской рефлексии говорит о некоторой задержке информационного потока, что подталкивает нас на мысль о том, что в рамках «нормы» антихрупкость отдельного человека — это способность быстро реагировать на изменения в социуме с оптимизацией скорости информационного потока через философскую рефлексию. При этом можно предположить, что философская рефлексия является вершиной рационального размышления не столько по методу, сколько по удобству, понятности и адекватности содержанию, форме и скорости информационных потоков внутри общества.

Но все же статья посвящена определению экстремального сознания, что из вышесказанного требует следующего заключения: экстремальное сознание лишено высокоуровневой рациональной рефлексии. С одной стороны, это необдуманное пропускание через себя культуры, которая нивелирует личность, уничтожая онтологическую основу системы, — элемент. С другой — излишняя закрытость и замкнутость, вызванная размышлением неограниченным и хаотичным, грозит неадекватным восприятием сообщества, иллюзиями. Но, здесь стоит усреднить: экстремальное сознание — это не столько сознание, неспособное

к философствованию, сколько совершенно неспособное к оному. Философское объяснение некоторых событий в жизни, а особенно потрясающих сознание, позволяет сделать выводы, а позднее — даже извлекать пользу из произошедшего. Человек, чье сознание не оперирует философской амбивалентностью, даже неосознанно, даже исключая рамки какой-то конкретной системы, неизбежно будет носителем экстремального.

Антихрупкость, как и осцилляция, не отсылают нас к конкретному аспекту реальности, представляя то общее свойство или культурное явление последних лет. Но реальность протяженна в пространстве и времени, а об экстремальном пространстве было сказано меньше. Экстремальное сознание, как и всякое другое, не оторвано от пространства и может как проектировать его, так и само выстраиваться вслед за ним. В контексте такого взаимного генезиса остро встает вопрос лиминальности пространства. В какой мере лиминальность пространства является экстремизирующим фактором для сознания? Как лиминальность пространства может отражаться на формировании экстремального сознания и какова должна быть степень этой лиминальности? Перечисленные вопросы нуждаются в ответах, и в данной статье приведена некоторая попытка это сделать.

Итак, лиминальность — это «“пороговое” или переходное состояние между стадиями развития человека и общества» [Фусу, 2018: 144]. Пороговое состояние жизни общества — предмет нашего исследования и, исходя из системного и синергетического метода, время существования экстремального сознания. С точки зрения кандидата медицинских наук Л. И. Фусу, лиминальность стоит исследовать с антропологических позиций как процесс перехода из одного социального состояния в другой [там же: 145]. Для сформированной системы сознания такой переход может быть проблемой, но не катастрофой. Лиминальность, включенная в контекст, не представляет из себя экстремальной ситуации, поскольку она уже принята в культуру, ей уже есть место. С точки зрения антропологии, мы имеем дело с «теми динамическими механизмами, которые помогают реализовываться глобальным преобразованиям в жизни»³.

Экстремальное сознание может существовать в рамках лиминальности, если процесс перестройки, характеризующийся этим термином, не воспринимается адекватно. Так, на этапе сепарации [там же: 144] происходит стирание информации о принадлежности определенной системе в целом. Личность сводится к индивиду ввиду внешних экстремальных условий, имеющих социальную и (или) природную причину. На стадии собственно лиминальности, которая в обществе приобретает статус маргинальности [там же], происходит перемещение в транзитивную зону. Транзитивность — отдельный термин, связанный с пограничным состоянием сознания. Если это состояние не преодолевается, то человек «запутывается» и теряет саму способность воссоединиться с контекстом мира. Следовательно, третья стадия (инкорпорация) [там же] или откладывается для личности на неопределенный срок (иногда превышающий срок жизни индивида), или проходит совсем. В рамках концепции антихрупкости мы можем оценивать лиминальность как необходимый кризис, который делает гибкость системы актуальной.

³ Сама Фусу использует здесь высказывание Арнольда ван Геннепа [Фусу, 2018: 145].

Но лиминальность, если она касается внутреннего человеческого — культуры, может быть институализирована. Но в рамках пространства человеческое сознание остается совсем беззащитным. Лиминальность здесь получает черты катастрофического, иначе сказать, становится тотальной. Это отмечается и исследователями: «Например, пространственное свойство лиминальности отражается в таких проявлениях, как конкретные места, так и большие зоны, регионы, страны» [там же: 145]. Отдельно стоит сказать, что лиминальные зоны чаще всего являются неудобными или опасными для человеческого существования.

Экстремальное сознание не стремится сохранить смыслообразующие интенции, а наоборот, поддается паническому и расстроенному состоянию и становится неспособно стать основанием новой мировоззренческой системы. С точки зрения антропологического подхода, мы можем согласиться с Фусу в определении: «лиминальность — это дефиниция, которая определяет динамические и процессуальные состояния общества и/или отдельных индивидуумов, которой присущи такие свойства, как: фрактальность, дуальность, пространственно-временные особенности» [там же: 146]. Хотелось только добавить, что динамические процессуальные изменения в обществе на данном этапе истории человеческой культуры можно назвать «осцилляция», возвращаясь к нашему прежнему определению. Важной частью является и структурно-семиотическое определение: «Лиминальность, собственно, осуществляет экспансию культуры, она посвящена изучению новых пространств и сфер, и представляется некоторой технологией саморазвития» [там же: 147]. Последнее замечание отсылает нас не только к феноменологическому характеру, но и к онтологической самостоятельности лиминальности в рамках существования человека и общества. Экстремальное сознание лишено тех паттернов существования, тех необходимых «механизмов», которые позволяют перестраиваться вместе с меняющейся средой, не отвечая пассивностью, как и твердостью.

О степени лиминальности можно высказывать предположения на основании методических пособий, которые в рамках социологического или психологического исследования поведения и рефлексии в рамках лиминальных пространств поможет показать наличие экстремального сознания. Метод прост: если лиминальное пространство вызывает тревогу и психическое напряжение, значит, можно предположить, что человек не обладает гибким мировоззрением, догматичен и консервативен в рамках картины мира и системы ценностей. Просьба описать свое состояние в моделируемых ситуациях лиминальности также может помочь в описании поведенческих паттернов экстремального сознания.

В рамках последнего есть некоторые достижения, которые можно использовать для проведения исследований. Так, например, выставка «Лиминальные зоны» в Музейно-выставочном центре города Иванова⁴ является одним из самых интересных материалов, которые можно оценить в рамках исследования реакции. Конечно, чистым экспериментом назвать оценку восприятия выставки нельзя, если речь идет о чувствах и эмоциях при переживании лиминальности. Но данные, касающиеся оценки рефлексии, уже можно оценивать с точки зрения релевантности.

⁴ URL: <https://syntaxgallery.com/liminal-zones> (дата обращения: 30.04.2026).

Библиографический список / References

- Москаленко Д. Н. О философии антихрупкости во времена сложных вызовов // Стратегии развития общества и социальная работа: материалы докладов и сообщений VI Всерос. науч. конф. Ростов-на-Дону, 09—13 октября 2023 года. Ростов-на-Дону — Таганрог: Южный федеральный университет, 2024. С. 325—331. (Moskalenko D. N. On the philosophy of antifragility in times of complex challenges, in *Strategies for the Development of Society and Social Work*, Rostov-on-Don — Taganrog, 2024, pp. 325—331. — In Russ.)
- Лейни Р. Н. Новая сакральность иронии: осцилляция метамодерна и карнавальная относительность в массмедийной культуре // Карнавальный код в искусстве и на телевидении: сб. материалов науч. конф., Москва, 18 мая 2023 года. М.: Высшая школа телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова, 2024. С. 17—26. (Laney R. N. New sacredness of irony: metamodern oscillation and carnival relativity in mass media culture, in *Carnival Code in Art and on Television*, Moscow, 2024, pp. 17—26. — In Russ.)
- Силова Е. С. Об антихрупкости и путях её достижения // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 11 (493). С. 161—169. (Silova E. S. On antifragility and ways to achieve it, *Chelyabinsk State University Bulletin*, 2024, no. 11 (493), pp. 161—169. — In Russ.)
- Тaleb Н. Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса / пер. с англ. Н. Караева. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2024. 864 с.: ил. (Taleb N. N. *Antifragility: How to Profit from Chaos*, Moscow, 2024, 864 p. — In Russ.)
- Филановская Т. А. Коллаборации в контексте социокультурных особенностей периода метамодерна // Вестник Академии Русского балета им. А. Я. Вагановой. 2022. № 2. С. 116—128. (Filanovskaya T. A. Collaborations in the context of socio-cultural features of the metamodern period, *Vaganova Russian Ballet Academy Bulletin*, 2022, no. 2, pp. 116—128. — In Russ.)
- Фусу Л. И. Концепция лиминальности: подходы, сущность понятия, характеристики проявления в обществе на современном этапе // Kant. 2018. № 3 (28). С. 143—148. (Fusu L. I. The concept of liminality: approaches, essence of the concept, characteristics of manifestation in society at the present stage, *Kant*, 2018, no. 3 (28), pp. 143—148. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.01.2026; одобрена после рецензирования 10.03.2026; принята к публикации 12.05.2026.

The article was submitted 20.01.2026; approved after reviewing 10.03.2026; accepted for publication 12.05.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Лебедев Василий Сергеевич — аспирант кафедры философии, институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, vasleb11@mail.ru

Lebedev Vasily Sergeevich — postgraduate student at the Department of Philosophy, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, vasleb11@mail.ru